

УДК 94(7)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.50.2.10

Нохрин Иван Михайлович

кандидат исторических наук, доцент

Челябинский государственный университет

Челябинск, Россия

ivan-nokhrin@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-6319-3661

**ОБРАЗ США КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ
КАНАДСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА
В ПЕРИОД ВОССТАНИЙ 1830-х гг.**

Аннотация. В настоящее время исследователи находят все больше примеров, не вписывающихся в модернистскую парадигму исследований национализма. Один из таких примеров — канадский национализм. Само его возникновение представляет собой вызов для ученых. Если национализм — это принцип, согласно которому политические и культурные границы должны совпадать, как утверждал Э. Геллнер, то возникает вопрос, почему канадцы считают себя отдельной нацией и не присоединились до сих пор к американской нации или, если подходить с точки зрения исторической перспективы, почему они отделились от британцев, ведь их культурные отличия и от тех, и от других минимальны даже сегодня, не говоря о более ранних исторических периодах. В попытке найти иной, более плодотворный подход к изучению канадского национализма данная статья выстроена на ставшем уже классическим постулате Ф. Барта о конструирующей функции границ в формировании национальной идентичности. С такой исследовательской перспективы национализм — это исторически уникальный результат рефлексии о Другом, или, выражаясь словами Ж. Лакана, конституирующем Другом. Таким образом, целью данной статьи является изучение роли США как значимого Другого в истории канадского национализма. В частности, в ней доказывается, что именно вовлечение американских граждан в события канадских восстаний 1830-х гг., или, как их еще иногда называют, революций, предопределило неудачный исход этих событий по причине возникшего конфликта между зарождавшимся канадским национализмом и образом Другого, символически увязанным с американским вмешательством.

Ключевые слова: история Канады, национализм, канадский национализм, история национализма, национальная идентичность, национальное самосознание.

UDC 94(7)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.50.2.10

Nokhrin Ivan M.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Chelyabinsk State University
Chelyabinsk, Russia
ivan-nokhrin@yandex.ru; ORCID 0000-0001-6319-3661

**THE IMAGE OF THE USA AS A FACTOR
IN THE DEVELOPMENT OF CANADIAN NATIONALISM
DURING THE UPRISINGS OF THE 1830s.**

Abstract. Researchers discover more and more cases that do not fit into the modernist paradigm of the nationalism studies. One is Canadian nationalism. It very occurrence presents a challenge to the paradigm of nationalism studies. If nationalism is the principle that demands political and cultural boundaries to coincide, as Gellner argued, it is not clear why Canadians consider themselves a nation and have not yet turned into Americans, or at least, why they do not continue to consider themselves British, since their cultural differences from both those are minimal even today, not to mention the XXth or the XIXth century. In search of a different approach to the study of Canadian nationalism, this paper based on Barth's classic postulate about the constitutive function of borders in the formation of national identity. From such a research perspective, nationalism is considered as a historically unique result of reflection on the "other" or, in the words of J. Lacan, the "constitutive other". Therefore, the purpose of this article is to explore the role of the United States as a "significant other" in the history of Canadian nationalism. In particular, I'm going to show that it was the involvement of American citizens in the events of the Canadian uprisings of the 1830s. or, as they are sometimes called, revolutions, that predetermined the unfortunate outcome of these events precisely because of the conflict that arose between the emerging Canadian nationalism and the image of the "other", symbolically linked to American intervention.

Keywords: history of Canada, nationalism, Canadian nationalism, history of nationalism, national identity, national identity.

Введение. К концу XX в. учеными был сформулирован ряд близких по сути концепций, которые широко используются для изучения феномена национализма по сей день. К таковым относятся теории Э. Геллнера, М. Хроха, Э. Хобсбаума, Б. Андерсона и другие, подходящие под общее определение, выражаясь словами известного британского исследователя Э. Смита, модернистского подхода¹. Его отличительной особенностью является понимание национализма как продукта модернизации, в том числе возникновения и развития капитализма, современного государства, бюрократии, образовательной системы, идеологии и СМИ, империализма, колониализма

¹ Цит. по: *Hutchinson J.* Introduction: Round table symposium on Anthony D. Smith // *Nations and Nationalism.* 2018. Vol. 24. №. 2. P. 281–285.

и, в конце концов, глобализации. Иными словами, все эти исследователи доказывали, что национализм порождается современной экономикой подобно тому, как это произошло со многими другими социально-политическими институтами².

Однако при всех достоинствах модернистского подхода, к коим следует отнести, прежде всего, скрупулезное изучение механизмов распространения национальной идентичности и специфики ее взаимосвязи с другими общественно-политическими феноменами современности, этот подход с самого начала обладал серьезным недостатком. Уделив огромное внимание закономерностям развития национализма, исследователи так и не смогли сформулировать универсальной теоретической схемы: каким образом и почему он возникает, как на него влияют исторические условия и, соответственно, в результате чего он приобретает те или иные формы. Каждый из перечисленных выше исследователей дает свой ответ на этот вопрос. При этом ни один из них не подходит для объяснения всего исторического многообразия национализма, замыкаясь на том или ином регионе или хронологическом периоде. Кроме того, до сих пор ученые мало продвинулись в попытках объяснить такое многообразие форм национализма в современном мире, многие из которых также не вписываются в предложенные универсальные схемы.

Отвечая на этот вызов, некоторые, как, например, Э. Геллнер, попросту назвали перечисленные выше вопросы несущественными для общей теории национализма. В качестве главной задачи Геллнер постулировал объяснение общих закономерностей, а не конкретной исторической специфики. Он был убежден, что смысловое наполнение понятия национализма может быть любым, а потому не имеет принципиального значения³. Другие исследователи искали ответы в артефактах донациональной культуры, которые, как полагал уже упомянутый Э. Смит, неизбежно заимствуются для создания национальной идентичности⁴. Однако и в этом случае оставался нерешенным вопрос, каким образом происходит отбор символов, которые заимствуются из всего культурного многообразия прошлых эпох для создания современных наций. В то же время исследователи продолжают находить все больше примеров, не вписывающихся в модернистские типологии и исторические схемы даже при всех сделанных поправках и оговорках⁵.

Один из таких примеров — канадский национализм. Само его возникновение крайне трудно понять с точки зрения модернистской парадигмы. Ведь если

² Цит. по: *Kerr W.* The descent of nations: social evolutionary theory, modernism and ethno-symbolism // *Nations and Nationalism*. 2019. Vol. 25. № 1. P. 104–123.

³ *Gellner E.* Do nations have navels? // *Nations and Nationalism*. 2008. № 2 (3). P. 366–370.

⁴ *Smith A.* Opening statement Nations and their pasts // *Nations and Nationalism*. 2008. № 2 (3). P. 361.

⁵ *Bodet M., Félix M.* Interpreting national trajectories with Gellner, Anderson and Smith: the case of Quebec // *Revista D'estudis Autònoms i Federals*. 2019. № 29. P. 17–50; *Filić G. P.* Critique of instrumentalist and primordialist theories // *Političke Perspektive*. 2022. Vol. 11. № 2. P. 93–117.

национализм — это принцип, согласно которому политические и культурные границы должны совпадать, как утверждал Э. Геллнер, то неясно, почему канадцы считают себя отдельной нацией и не вошли до сих пор в сообщество американцев или, по крайней мере, почему не продолжают считать себя британцами, ведь их культурные отличия и от тех, и от других минимальны даже сегодня, не говоря о более ранних исторических периодах.

В поисках иного подхода к изучению канадского национализма данная статья строится на ставшем уже классическим постулате Ф. Барта о конструирующей функции границ в формировании национальной идентичности⁶. С такой исследовательской перспективы национализм — это исторически уникальный результат рефлексии о Другом или, выражаясь словами Ж. Лакана, о конституирующем Другом. Более того, в качестве стержня каждой конкретной национальной идеологии неизбежно должно выработаться представление о наличии у нации фундаментальных отличий от того значимого Другого, который находится по другую сторону от установленных границ. Другими словами, формирование национализма — это исторический процесс конструирования образа не только своей, но и иных наций.

Конструирование национальной идентичности через напряженную рефлексию о Другом, как утверждает известный американский ученый Л. Гринфельд, неразрывно связывает эти две идеологемы отношениями конкуренции и соперничества⁷. Однако зачастую оказывается, что обосновать свое превосходство над Другим в существующих смысловых категориях не так-то просто в силу сходства образа жизни, идей, ценностей и приоритетов, как это можно видеть на примере Канады, США и Великобритании. Тем не менее даже в таком случае само существование конкурента может повлиять на историческую траекторию развития социума, заставляя политиков и интеллектуалов искать все новые и новые способы противопоставления себя тому самому Другому⁸. В результате это может повлиять на динамику даже крупных исторических событий и процессов.

Таким образом, целью данной статьи является изучение роли США как значимого Другого в истории канадского национализма. В частности, в ней доказывается, что именно вовлечение американских граждан в события канадских восстаний 1830-х гг., или, как их еще иногда называют, революций, предопределило их неудачный исход как раз по причине возникшего конфликта между зарождавшимся канадским национализмом и образом Другого, символически увязанным с американским вмешательством. Выбор хронологического отрезка обуславливается тем, что именно в это время развитие канадского национализма достигло своего пика, после чего последовал длительный упадок.

⁶ *Barth F.* Introduction // *Ethnic groups and boundaries: the social organization of cultural difference* / ed. by F. Barth. Oslo, 1969. P. 15–16.

⁷ *Greenfeld L.* The world nationalism made // *American Affairs*. 2018. Vol. 2. № 4. P. 145–159.

⁸ *Greenfeld L.* Introduction // *Research handbook on nationalism* / ed. by L. Greenfeld and Z. Wu. Northampton, MA, 2020. P. 5–6.

Обращаясь к историографии, необходимо начать с противоречия, наметившегося в современной исследовательской литературе, посвященной канадскому национализму. Значительная часть современных историков заявляют о наличии у канадских националистов той эпохи, или, как те сами себя называли, патриотов, симпатий к американскому историческому пути развития и конституционной модели, а также готовности принять ее за образец как минимум с конца 1820-х гг. Однако удивительно, что исследователи, которые настаивают на наличии у патриотов давней и последовательной приверженности американскому республиканизму, строят свою аргументацию на материалах 1837 г. и даже более поздних⁹. Хотя кажется довольно очевидным, что факт наличия подобных идей в 1837 г. не может служить доказательством их существования несколькими годами ранее.

Объяснение этой историографической тенденции можно найти в стремлении современных канадских историков считать восстания 1837–1838 гг. в Канаде частью так называемой атлантической революции — движения за демократизацию политической системы, гражданские права и свободы и социальное равенство, в которое включаются также американская Война за независимость, Великая французская революция, борьба за независимость в колониях испанской Америки и многие другие подобные события, в том числе российское движение декабристов¹⁰. Говоря об этом, канадские исследователи не сомневаются, что их соотечественники были приверженцами самых актуальных и прогрессивных идей той эпохи, причем в их наиболее передовой, радикальной и успешной, т. е. американской, форме. Именно поэтому они убеждены в их длительном вызревании и существовании в Канаде. Однако в таком случае возникает вопрос: если эти идеи вызревали так долго и были столь влиятельны, то почему же революция 1837–1838 гг. в Канаде закончилась полным провалом именно по причине отсутствия массовой поддержки революционеров.

Для достижения поставленной цели в качестве источников были использованы публикации в прессе, памфлеты и речи, в которых националисты объясняли собственную логику и мотивацию, в том числе такие периодические издания, как «Виндикэйтор» (*Vindicator*), «Либерал» (*Le Libéral*), «Минёрв» (*La Minerve*), «Эстафет» (*L'Estafette*), «Канадъен» (*Le Canadien*), «Монреаль гзетт» (*Montreal Gazette*), «Маккензи гзэт» (*Mackenzie's Gazette*).

⁹ *Ducharme M.* Le concept de liberté au Canada à l'époque des Révolutions atlantiques, 1776–1838. Montréal, 2010. P. 117–162; *Jones B. T.* Republicanism and responsible government: the shaping of democracy in Australia and Canada. Montreal, 2014. P. 39–76; *Mauduit J.* American republicanism at a crossroads: Canadian “twin stars”, annexation, and continental order (1837–42) // *Early American Studies: An Interdisciplinary Journal*. 2020. Vol. 18. № 3. P. 365–397.

¹⁰ *Greer A.* 1837–38: Rebellion Reconsidered // *The Canadian Historical Review*. 1995. Vol. 76. № 1. P. 1–18; *Bonthius A.* The Patriot War of 1837–1838: locofocoism with a gun? // *Labour / Le Travail*. 2003. Vol. 52. P. 9–43; *Mauduit J.* La guerre d'indépendance des Canadas: démocratie, républicanismes et libéralismes en Amérique du Nord, Montréal, 2022.

Кроме того, были использованы документы и материалы патриотов, опубликованные в качестве приложения к книге «Восстание 1837 г. в Верхней Канаде»¹¹.

Ход и результаты исследования. Середина 1830-х гг. известна в истории Канады как время острого социально-политического кризиса, возможно, наиболее глубокого за всю ее историю¹². На одном из июньских митингов 1837 г. в местечке Сен-Лоран в провинции Нижняя Канада известный канадский политик, спикер колониальной ассамблеи и лидер Партии патриотов Л.-Ж. Папино задал собравшимся вопрос: будет ли благом для Канады оставаться британской колонией или лучше стать одним из штатов США? И тут же сам дал ответ. Союз с Британией унижителен, продолжал он, а объединение с США — это «равенство и братство, а также самые свободные институты в мире»¹³. Папино не мог не понимать, что за эти слова противники могут обвинить его в измене британской короне и будут в значительной степени правы. Но его это, похоже, совсем не волновало.

Не только Папино, но и многие другие лидеры канадских патриотов выступали в поддержку присоединения Канады к США. Депутат ассамблеи провинции Нижняя Канада А. Н. Морин открыто заявлял на страницах «Либерала», что будет лучше, если Канада станет частью США¹⁴. Его соратник Э. Б. О'Каллахан, которого часто называли правой рукой и заместителем Л.-Ж. Папино издал в Монреале Декларацию независимости США 1776 г. и подготовил для газеты «Виндикэйтор» серию статей о текущей повестке дня в соседней стране. Как утверждает его биограф Дж. Верни, эти публикации должны были сформировать у читателей впечатление, будто присоединение Канады к США необходимо и достижимо¹⁵. Друг О'Каллахана, журналист и публицист Т. С. Браун пошел дальше и написал серию писем в «Нью Йорк Дейли Экспресс» (*New York Daily Express*), в которых убеждал американскую публику в желании канадцев присоединиться к ним, поскольку «они американцы». Эти канадцы, продолжал Браун, «во многом завидуют институтам ваших конфедеративных штатов и теперь хотят, чтобы эта провинция была включена в их число»¹⁶.

В течение лета 1837 г. по Нижней Канаде прокатилась волна организованных патриотами митингов. Их сторонники обычно сообщали о 2–3 тыс. собравшихся в каждом графстве. Перепроверить эти данные не представляется возможным, поскольку других отчетов о мероприятиях не сохранилось. Однако общее

¹¹ *The rebellion of 1837 in Upper Canada: a collection of documents* / ed. by C. Read, R. J. Stagg. Montreal, 1985.

¹² Причины и ранние этапы развития этого кризиса представляют собой особый и весьма обширный дискуссионный вопрос, на который в историографии до сих пор не существует однозначного ответа, поэтому он сознательно вынесен за рамки данной работы.

¹³ *Vindicator*. 1837. 13 June.

¹⁴ *Le Libéral*. 1837. 5 August.

¹⁵ *Verney J. O'Callaghan: the making and unmaking of a rebel*. Ottawa, 1994. P. 120.

¹⁶ *New York Daily Express*. 1837. 2 May; *Vindicator*. 1837. 2 June; *La Minerve*. 1837. 9 June.

число проведенных встреч, судя по публикациям «Виндикэйтора», насчитывало несколько десятков. В документах, которые принимались на митингах патриотов, американцев теперь часто называли братьям»¹⁷. Примечательно, что после одобрения петиции и резолюции по итогам этих митингов отправлялись не в Лондон, как это практиковалось раньше, а в Вашингтон, на адрес Конгресса США с просьбами установить справедливость и законность в Канаде¹⁸.

Разговоры о союзе с США стали настолько частыми, что противники начали называть патриотов американской партией (*Parti américain*)¹⁹. Вообще же активность противоположного лагеря — радикальных британских националистов или конституционалистов, как их называют в канадской историографии, коих отличал ярко выраженный лоялизм, британский шовинизм и нетерпимость по отношению к франкоканадцам, — заметно выросла на фоне обсуждения вопроса об аннексии²⁰. Они полагали, что за риторикой патриотов стоит старая ненависть французов к британцам, желание захватить колонию под свой полный контроль и истребить в ней все британское, для чего они и агитируют в пользу присоединения Канады к США. Сторонников Папино конституционалисты называли предателями и «кликой франкоканадских мятежников». Они даже приступили к созданию волонтерских боевых отрядов, так называемых британских стрелковых корпусов. Участвовавшие в них лоялисты писали в газетах, что в сложившейся ситуации только оружие может гарантировать им дарованные британской конституцией права и свободы²¹.

Ответом патриотов стало создание их собственных боевых организаций. В августе 1837 г. А. Уиме, Л.-Ж. Папино, Э. Б. О'Каллахан, Т. С. Браун провели в Монреале первую встречу общества под названием «Сыны свободы», целью которого провозглашалось чтение газет, обсуждение новостей и военные тренировки²². Название со всей очевидностью отсылало к эпохе Американской революции, равно как и намекало на характер деятельности. Как и их оппоненты, «Сыны свободы» считали, что оружие необходимо им для защиты собственных прав и называли себя народным ополчением (*militia*).

В Верхней Канаде ситуация развивалась идентичным образом. Противники колониальных и имперских властей там именовали себя реформаторами и практически полностью разделяли взгляды патриотов из соседней колонии. В июле 1836 г. их признанный лидер У. Л. Маккензи начал издание газеты с символическим названием «Конституция». Его публикации становились

¹⁷ *Vindicator*. 1837. 6 June.

¹⁸ *Le Libéral*. 1837. 22 July; *Le Libéral*. 1837. 29 July; *Le Libéral*. 1837. 29 August.

¹⁹ *Le Canadien*. 1837. 19 June; *Le Canadien*. 1837. 2 October.

²⁰ *Senior E. K.* *Redcoats and Patriots: the rebellions in Lower Canada, 1837–38*. Stittsville; Ottawa, 1985. P. 12.

²¹ *Montreal Gazette*. 1836. 16 January; *Niagara Reporter*. 1837. 14 September; *Heaman E. A.* *Rights talk and the liberal order framework // Liberalism and hegemony: debating the Canadian Liberal Revolution / ed. by J.- F. Constant, M. Ducharme*. Toronto, 2009. P. 147–175.

²² *Senior E. K.* *Op. cit.* P. 17.

все более смелыми в постоянной критике уже не только колониальных, но и имперских властей. Наконец, в октябре 1837 г. Маккензи заявил: «Если эта провинция и Нижняя Канада станут штатами великого Союза по соседству, ценность всякой собственности вырастет в цене, население начнет удваиваться каждые несколько лет, наша торговля всегда будет в хорошем состоянии, наши предприятия значительно расширятся, ресурсы провинции станут востребованы и будут приносить пользу, мелкая партийная грызня исчезнет в великом океане республиканизма»²³. Его соратник Дональд Маклеод заявлял, что канадцы «изголодались по свободе и жаждут свободы. Они хотят быть участниками свободных институтов США»²⁴. Таким образом, идея аннексии торжествовала и в Верхней Канаде.

Однако не все в Верхней Канаде были готовы с этим согласиться. В то же самое время при активной поддержке губернатора Ф. Хэда в провинции росло число лож Оранжевого ордена и их членов, известных своим агрессивным лоялизмом и верностью британскому национализму. Одна из принадлежавших им газет с говорящим названием «Патриот» писала о чувствах «непомерного отвращения и ярости», которые вызывала «дерзость тех, кто осмелился вторгнуться в пределы нашего королевства, чтобы проповедовать мятеж против нашей милостивой Королевы и славной Конституции»²⁵. Как сообщает канадский историк У. Кэрол, к осени 1837 г. оранжисты и их сторонники сделали практически невозможными мирные политические собрания реформаторов. Провокаторы заявлялись к ним на встречи и устраивали драки, избивали тех, кого удавалось застать врасплох на улице или дома, крушили помещения, где проходили мероприятия. И все это при полном попустительстве властей, которые не пытались сохранить хотя бы видимость законности²⁶. Уже в сентябре 1837 г. массовые драки стали обычным делом в Торонто и его окрестностях. Сообщая об одной из них, газета «Патриот» писала о четырех сотнях оранжистов и их сторонников, разогнавших митинг в городке Лондон²⁷. В конце концов и сами реформаторы стали создавать отряды самообороны и вооружаться, поначалу лишь камнями и палками, но затем некоторые стали приносить на митинги пистолеты и ружья.

Растущее размежевание, радикализация патриотов и реформаторов, с одной стороны, и британских конституционалистов и оранжистов — с другой, приводило ко все более ожесточенным столкновениям. Наиболее крупное из них состоялось в Нижней Канаде 6 ноября 1837 г. В этот день около 350 «сынов свободы» собрались во дворе таверны, принадлежавшей одному из их числа. Узнав об этом митинге, на место начали стягиваться вооруженные конституционалисты,

²³ Jones B. T. Op. cit. P. 62.

²⁴ McLeod D. A Brief Review of the Settlement of Upper Canada by the U. E. loyalists and Scotch highlanders, in 1783. Cleveland, 1841. P. 6.

²⁵ Carol W. Popular politics and political culture in Upper Canada, 1800–1850. Montreal, 2000. P. 187.

²⁶ Ibid. P. 186–187.

²⁷ Ibid. P. 186.

уверенные, что их противники в тот самый момент «выступают там с речами, и ликуют, и обсуждают измену меж собой за закрытыми дверями»²⁸. Они выкрикивали оскорбления и бросали камни через забор, но в этот раз переоценили свои силы. Их было всего несколько десятков в тот момент, когда патриоты распахнули ворота и напали на окруживших таверну неприятелей. Патриотов воодушевило их численное превосходство и быстрое отступление противников, а потому они принялись громить дома тех, кого считали своими врагами. Однако конституционалисты быстро оправались от внезапного удара, собрали силы со всего Монреаля и перешли в контратаку. Как сообщали очевидцы, «сыны свободы», коих на улицах в самый напряженный момент насчитывалось порядка 500 человек, оказались в меньшинстве и были вынуждены отступить в пригороды²⁹.

Скрывшись в сельской местности, «сыны свободы» начали собираться в отряды. По оценкам современных историков, им удалось вооружить порядка 3,5 тыс. человек. Однако ополченцы были рассредоточены по обширной территории трех графств — Сен-Шарль, Ришельё и Сен-Эташ — и ни в одном месте численность их отрядов не превышала 600–800 чел. Им не хватало оружия, снаряжения и более всего боевого опыта³⁰. Но, кроме того, и это следует особо подчеркнуть, события, которые вошли в историю под названием восстание 1837 года, начинались как стихийная массовая драка в Монреале, причем не первая в своем роде, хотя и довольно многочисленная. Как убеждены многие современные историки, и нет причин с ними не соглашаться, лидеры патриотов не собирались устраивать мятеж и не были готовы к такому повороту событий не только организационно, но, прежде всего, морально³¹. Они строили баррикады в деревнях и на дорогах и организовывали патрули в надежде избежать массовых арестов и защититься от насилия со стороны лоялистов, но не собирались вести наступательных действий или тем более захватывать Монреаль, как, например, предполагал губернатор Дж. Колборн. А он тем временем собрал войска со всех британских колоний в Северной Америке и вознамерился арестовать патриотов под предлогом подавления беспорядков. В нескольких скоротечных сражениях отряды патриотов были разбиты, многие из них вынуждены были бежать в США, спасаясь от преследования властей.

Когда известия о боях в Нижней Канаде появились в Торонто, они застigli реформаторов врасплох. Биограф У. Л. Маккензи и его внук Ч. Линдси, а также знаменитый исследователь XIX в. Ч. Дент утверждали, ссылаясь на воспоминания участников событий, что вопрос о вооруженном неповиновении властям впервые стал подниматься на собраниях не раньше октября 1837 г.,

²⁸ *Senior E. K.* Op. cit. P. 59.

²⁹ *Ibid.* P. 60.

³⁰ *Greenwood F. M., Wright B.* Rebellion, invasion, and the crisis of the colonial state in the Canadas, 1837–9 // *Rebellion and invasion in the Canadas, 1837–1839* / ed. by F. M. Greenwood, B. Wright. Toronto, 2002. P. 14. (Canadian State Trials. Vol. II).

³¹ *Greer A.* The patriots and the people: the rebellion of 1837 in rural Lower Canada. Toronto; Buffalo; London, 1993. P. 305; *Jones B. T.* Op. cit. P. 65–66.

причем в умоглядной, чисто гипотетической форме. Об организации восстания пока даже не шло и речи³². Губернатор Верхней Канады Ф. Хэд также не ожидал каких-либо неприятностей в своей провинции, а потому отправил подконтрольные ему войска в Нижнюю Канаду на помощь Дж. Колборну.

Возможно, именно отсутствие солдат на улицах Торонто вкупе с тревожными новостями, поступавшими из соседней провинции, подтолкнули реформаторов к спонтанному выступлению. Все началось с публикации 15 ноября 1837 г. в газете У. Л. Маккензи «Конституция» проекта конституции. Текст начинался словами «Мы, народ штата Верхняя Канада...», отсылая читателя к аналогичному документу соседних США³³. И параллели были явно неслучайны. Предлагавшийся проект со всей очевидностью готовил колонию к переходу под власть Вашингтона. И дело было не только во вступительной фразе и термине «штат» (state), который многократно употреблялся по отношению к Верхней Канаде. Вся структура органов власти, их полномочия, принципы комплектования посредством всеобщего избирательного права и даже система сдержек и противовесов, хотя и не очень подробно проработанная, повторяли конституцию США. Особо оговаривался запрет на любые «наследственные выплаты, привилегии или почести», делавший невозможным компромиссы с британской монархической конституцией³⁴.

Освещая дальнейшие события, большинство канадских историков подчеркивают вопиющую неподготовленность и даже некоторую наивность восставших. Во-первых, их сборы происходили настолько открыто и шумно, что власти узнали о планах захватить Торонто за несколько дней до того, как выступление, собственно, началось³⁵. Во-вторых, уже будучи на марше, восставшие начали волноваться из-за нехватки вооружения: лишь две сотни из них имели при себе ружья. Еще порядка восьмисот шли буквально с пустыми руками. Хотя, согласно замыслу Маккензи, в арсенале Торонто имелось достаточное количество оружия и провизии, столицу колонии еще только предстояло захватить. Однако восставшие побоялись входить в город небооруженными и несколько дней в нерешительности простояли в предместьях³⁶.

Поскольку регулярные войска и почти вся артиллерия находились в соседней провинции, губернатор Ф. Хэд и его приближенные могли надеяться лишь на ополчение из лояльных колонистов и боевые отряды оранжистов. Им потребовалось время, чтобы собрать и организовать в отряды жителей Торонто и округи. К счастью для них, бездействие восставших предоставило

³² *Lindsey Ch.* The life and times of William Lyon Mackenzie. Vol. 2. Toronto, 1862. P. 52; *Dent Ch.* The story of the Upper Canadian rebellion. Vol. 1. Toronto, 1885. P. 378.

³³ *W. L. Mackenzie's constitution // The Rebellion of 1837 in Upper Canada: a collection of documents / ed. by C. Read, R. J. Stagg.* Montreal, 1985. P. 96.

³⁴ *Ibid.* P. 283.

³⁵ *Kilbourn W.* The firebrand: William Lyon Mackenzie and the rebellion in Upper Canada. Toronto, 2008. P. 201–202.

³⁶ *Sewell J.* Mackenzie: a political biography of William Lyon Mackenzie. Toronto, 2002. P. 157.

такую возможность. Собравшись с силами, власти перешли в контрнаступление. Около таверны Монтгомери лоялисты численностью чуть более тысячи человек столкнулись со сторонниками Маккензи, коих к тому времени насчитывалось лишь порядка четырех сотен, из них только половина были вооружены³⁷. После непродолжительной перестрелки восставшие бежали без официально зафиксированных потерь. И поскольку в Канаде у них не оставалось каких-либо благоприятных перспектив, многие из них решили перебраться в США.

Жители прилежавших к Канаде штатов США не смогли остаться безучастными к делу патриотов и реформаторов. Призывая к освобождению колонии от «британской тирании», Маккензи говорил на родном и понятном для них языке Американской революции XVIII в. И это, не считая давних планов по завоеванию и присоединению к США северной части континента, бытовавших в Массачусетсе, Нью-Йорке и других северо-восточных штатах³⁸. Американцы с энтузиазмом приступили к созданию секретного общества «Братство охотников», или так называемых охотничьих лож, организованных по образу «сынов свободы» и других подобных популярных в то время в США сообществ и братств³⁹. Общий замысел заключался в том, чтобы создать сплоченную революционную организацию, добыть оружие, распространить пропагандистские материалы, завербовать многочисленных сторонников в Канаде, иными словами, тщательно подготовить новое восстание⁴⁰.

Идея казалась весьма многообещающей. Сочувствовавшие канадским патриотам американские граждане делали щедрые пожертвования, единомышленники по обе стороны границы быстро привлекали новых членов. Современники поражались стремительному росту численности «охотничьих лож». «Я сомневаюсь, что есть хотя бы один город, поселок или порт в районе Великих озер, в котором не было бы этих обществ. Некоторые из них, а может быть, и все, активно собирают оружие, деньги и амуницию», — докладывал в деловой переписке У. Макуортер, офицер таможенной службы из пограничного городка Освего, штат Нью-Йорк, министру финансов Л. П. Вудбери и добавлял, что, по его оценкам, численность обществ достигает сорока тысяч человек или даже больше⁴¹. О сорока тысячах участников писал в Лондон британский посол в Вашингтоне Г. С. Фокс, с тревогой отмечая, что их численность растет не по дням, а по часам, а отделения разбросаны от Мэна и Вермонта до Мичигана, Огайо и, возможно, даже Кентукки. Еще один британский офицер утверждал, что существует армия из двадцати пяти тысяч человек, готовых в любой момент перейти границу⁴². В Канаде «Братство охотников»

³⁷ *Dent Ch. Op. cit.* Vol. 2. Toronto, 1885. P. 124.

³⁸ *Bonthius A. Op. cit.* P. 13–14.

³⁹ *Modern J. L. Secularism in antebellum America.* Chicago; London, 2011. P. 53.

⁴⁰ *Lindsey Ch. Op. cit.* P. 192–193.

⁴¹ *Kinchen O. A. The rise and fall of the Patriot Hunters: liberation of Canadian provinces from British thraldom.* New York, 1956. P. 37.

⁴² *Ibid.* P. 41.

насчитывало порядка 5–7 тыс. членов, если верить более поздним свидетельствам их участников, и имело отделения по всей Верхней и Нижней Канаде⁴³.

Однако все эти цифры сами по себе мало что говорят о степени влияния секретного общества среди канадцев. На протяжении 1838 г. «братья-охотники» предприняли несколько попыток вторгнуться в британские колонии с территории США, но каждый раз их встречали и заставляли отступить превосходящие силы ополченцев-конституционалистов. В феврале 1838 г. порядка 400 человек под командованием реформатора из Верхней Канады Д. Маклеода высадились на острове Файтинг неподалеку от Детройта, но вскоре были атакованы и разбиты канадскими волонтерами. В марте история повторилась на острове Пили, на озере Эри. В мае несколько сотен патриотов пробрались на британскую территорию и сожгли пароход «Роберт Пиль». Однако очень быстро им пришлось вернуться в США под угрозой превосходящих британских сил. Вторжения продолжались все лето и осень 1838 г. и, наконец, в ноябре и декабре произошли две решающие битвы. В первой из них четыре сотни «охотников» под командованием американца Н. Фон Шульца попытались захватить городок Прескотт рядом с Кингстоном на северном берегу реки Св. Лаврентия, но были разбиты в так называемом сражении у ветряной мельницы. Месяц спустя около полутысячи патриотов вторглись в графство Лондон, намереваясь захватить одноименный город, но отступили обратно на территорию США, столкнувшись с канадскими ополченцами около городка Виндзор⁴⁴. На этом боевые действия на англо-американской границе закончились.

В истории этих многочисленных, но при этом безрезультатных походов и сражений, весьма подробно изученных в канадской и американской историографии, привлекают внимание два обстоятельства⁴⁵. Первое — это малочисленность отрядов «охотников», особенно в сравнении с общим количеством членов «братства». Ни в одном из упомянутых выше походов не набралось больше нескольких сотен участников. Можно сказать, что масштаб их выступлений сопоставим с событиями канадских восстаний ноября – декабря 1837 г. Судя по всему, наиболее активная часть общества «охотников» состояла из беглых канадских повстанцев, к которым примкнуло небольшое число американцев. Остальные же их сторонники из числа граждан США даже если и симпатизировали делу патриотов, то были готовы вносить свою лепту только посредством пожертвований, участия в митингах, распространения газет, листовок и брошюр. Вооруженный поход в Канаду явно не входил в их планы. Очевидно, и многие американцы говорили об этом прямо, канадцы воспринимались ими в качестве

⁴³ Clark S. D. *Movements of political protest in Canada, 1640–1840*. Toronto, 1959. P. 316.

⁴⁴ Graves D. E. *Guns across the river: the battle of the windmill, 1838*. Prescott, 2001. P. 61–125.

⁴⁵ *Revolutions across borders: Jacksonian America and the Canadian rebellion* / ed. by M. Dagenais and J. Mauduit. Montreal, 2019; Dagenais M. '[T]hose who had money were opposed to us, and those who were our friends were not the money class': Philadelphia and the 1837–1838 Canadian rebellions // *American Review of Canadian Studies*. 2017. Vol. 47. № 1. P. 1–18; Mauduit J. *La guerre d'indépendance des Canadas...*

близкой, но при этом отдельной, вполне самостоятельной нацией, которая должна сама решать свою судьбу⁴⁶.

Другая интересная особенность вооруженных экспедиций «братства охотников» заключалась в явном отсутствии встречной инициативы со стороны канадских колонистов. Каждое из вторжений с февраля по декабрь 1838 г. — а таких было не менее десятка — проходило по одной и той же схеме: группа легковооруженных «охотников» из нескольких сотен человек переходила границу, уничтожала собственность, считавшуюся ими британской, пытались взять под контроль ближайшие поселения и затем двигались дальше, вглубь канадской территории, пока не натыкались на высланный им навстречу отряд ополченцев и/или британских солдат. А те, в свою очередь, обладая преимуществом в численности и оружии, легко обращали «охотников» в бегство, заставляя вернуться на территорию США.

Этот сценарий повторялся из раза в раз при явном безразличии со стороны местного населения. Даже британские офицеры, в том числе полковник Ч. Грей, удивлялись тишине и спокойствию, царившим в Сен-Шарле, Монреале и других районах Канады, где еще недавно прошли массовые протесты и беспорядки⁴⁷. Поддержка даже части из тех колонистов, кто раньше симпатизировал патриотам, могла серьезно изменить расклад сил во время любого из вторжений «охотников» и повлиять на общий исход развернутой ими деятельности. Но этого не произошло, несмотря на то что лидеры патриотов старались наращивать интенсивность агитации.

Хотя с конца 1837 г. все революционные канадские издания были закрыты или уничтожены, включая «Минёрв», «Виндикейтор», «Конституцию» и «Либерал», их издатели, редакторы и авторы перебрались в соседние американские штаты и возобновили деятельность, практически ежедневно отправляя через границу свежие выпуски газет и памфлетов. Порядка двадцати новых изданий, посвященных канадской проблематике и занимавшихся преимущественно агитацией в поддержку «патриотов» и канадской революции возникло в течение декабря 1837 г. и в 1838 г. в северо-восточных штатах США. Среди них «Бюджет» (Budget), «Мёркьюри» (Mercury) и «Спирит оф '76» (Spirit of '76), выходившие ежедневно, а также франкоязычные «Эстафэтт» (Estafette) и «Патриот Канадъен» (Patriote Canadien). Кажется парадоксальным, но с каждым новым поражением патриоты не отчаивались, а даже увеличивали публикационную активность.

В этих источниках привлекают внимание как минимум три тенденции. Во-первых, буквально с первых же дней пребывания в соседней республике канадские журналисты и публицисты начали активно включаться в специфически американские общественно-политические дискуссии и даже партийную борьбу. Например, на первой полосе январских выпусков «Кэнейдиэн» 1838 г. крупными буквами с гордостью сообщалось, что у газеты «редактор —

⁴⁶ Kinchen O. A. Op. cit. P. 18.

⁴⁷ Crisis in the Canadas 1838–1839: the Grey journals and letters. Macmillan, 1965. P. 147.

из беженцев, издатель — демократ, печатает — виг, а читает ее весь мир»⁴⁸. Маккензи открыто симпатизировал демократам и время от времени публиковал статьи в их поддержку, критикуя, словно давний демократ, американские монополии, крупные банки и призывая к имущественному равенству и поддержке бедных слоев населения⁴⁹. Ч. Данкомб и некоторые другие беженцы из Канады также с восхищением отзывались о проводившихся тогда в США экспериментах в духе утопического социализма⁵⁰. При этом вопросы из повестки дня Соединенных Штатов обсуждались на страницах тех же самых изданий, которые предназначались для агитации канадцев.

Можно предположить, что все эти сюжеты из общественно-политической жизни соседней страны не только мало интересовали канадцев, но даже создавали у них определенное чувство непонимания и отчуждения от внезапно американизировавшихся публицистов и издателей. Тем более что успехи США в развитии всеобщего равноправия и демократизации, о которых часто говорилось в революционной прессе, обычно преподносились как положительный пример для «несвободной» Канады. И это могло задевать достоинство тех канадцев, кто привык считать себя частью наиболее прогрессивной и свободной британской нации. Так, например, канадские конституционалисты писали в ответных публикациях о рабстве, ирландских погромах, притеснениях коренного населения, беззаконии, пиратстве и мародерстве на окраинах США, подчеркивая тем самым, что американцы не имеют никакого морального права учить их демократии и равенству⁵¹.

Вторая тенденция заключалась в стремительном росте числа американских граждан, которые вовлекались в деятельность «патриотов». Почти в каждой газете, агитировавшей за свержение британской власти в Канаде, издателем, редактором или владельцем числился гражданин США, не говоря уже о множестве американских журналистов, комментаторов и корреспондентов⁵². Да и в «охотничьих ложах» подавляющее большинство членов тоже были американцами. Наконец, многие из тех, кто бежал с территории Канады, подавали заявление на получение американского гражданства и постепенно натурализовывались⁵³. Как результат, канадское революционное движение выглядело все менее канадским в самом прямом смысле этого слова.

И, наконец, еще одна тенденция, связанная с предыдущей, заключалась в приношении американцами в движение патриотов их специфической национальной

⁴⁸ The Canadian. 1838. 1 January.

⁴⁹ Mackenzie's Gazette. 1838. 18 August.

⁵⁰ Schrauwers A. Tilting at windmills: the utopian socialist roots of the Patriot War, 1838–1839 // Labour / Le Travail. 2017. Vol. 79. P. 53–80.

⁵¹ Patriot. 1838. 8 June; Bald Eagle. 1838. 28 December.

⁵² Gates L. F. After the rebellion: the later years of William Lyon Mackenzie. Toronto, 1996. P. 56–58.

⁵³ Read C. Edward Alexander Theller the 'Supreme Vagabond': 'honest, courageous, and true'? // Ontario History. 1992. № 84. P. 4.

символики, которая была без преувеличения оскорбительна для канадцев. Речь идет об агрессивном республиканизме. Он часто выражался в насмешках над британской монархией и конкретно королевой Викторией из-за ее возраста и особенно женского пола⁵⁴. В публикациях патриотов ее характеризовали как некомпетентную, бездарную, глупую, мелочную, склочную, привлекая все негативные стереотипы о женщинах, расхожие в ту эпоху⁵⁵. Соответственно, канадские и британские власти то и дело назывались «бабским правительством»⁵⁶. Это оскорбление всячески обыгрывалось, чтобы подчеркнуть абсурдность и неестественность ситуации, когда мужчины подчиняются женщине. «Сэр Джон Колборн окружен кучей старух, и вместе с ними он сидит в юбках и панталонах», — издевалась над канадским губернатором одна из газет⁵⁷. «Джон Булл прогнулся под бабским башмаком», — провозглашалось в последней строке расхожего сатирического стихотворения о Великобритании, перепечатанного У. Л. Маккензи в его газете⁵⁸. Очевидно, что насмешки подобного рода никак не могли повысить популярность патриотов среди канадцев, ведь они тоже, получалось, были под башмаком «бабского правительства».

Заключение. Таким образом, обращение к символике, связанной с США, стало одной из причин неудач канадских националистов в ходе политического кризиса 1830-х гг. Прежде всего, выдвинутая ими идея присоединения Канады к США способствовала мобилизации их противников, которые развернули не менее активную деятельность и начали прибегать к насильственным методам борьбы. Дальнейшее вовлечение союзников из США также не помогло канадским националистам, поскольку сделало ситуацию еще более противоречивой. Американцев привлекала риторика, цели и идеалы канадских патриотов, чрезвычайно созвучные символике и смыслам американского национализма. Возможность принять участие в освобождении континента и завершить, наконец, этот исторический процесс казалась им чрезвычайно достойным делом и потому вызывала большой энтузиазм. Однако для тех канадцев, кто остался к северу от границы, участие американцев в «деле патриотов» дискредитировало его. Процесс становления канадского национализма, в том числе и оформление идеи суверенной канадской нации в соответствии с самой сутью понятия национального суверенитета, должен был продвигаться самими канадцами

⁵⁴ Greer A. La république des homes, les Patriotes de 1837 face aux femmes // Revue d'histoire de l'Amérique française. 1991. Vol. 44. №. 4. P. 507–528; Randall M. Les femmes dans l'espace rebelle: Histoire et fiction autour des rébellions de 1837 et 1838. Montreal, 2013. P. 76.

⁵⁵ Morgan C. 'When bad men conspire, good men must unite!': gender and political discourses in Upper Canada, 1820s – 1830s // Gendered pasts: historical essays in femininity and masculinity in Canada / ed. by K. McPherson, C. Morgan, N. M. Forestell. Toronto, 1999. P. 26.

⁵⁶ Canadian Patriot. 1838. 2 February.

⁵⁷ Patriot's Friend. 1839. 12 January.

⁵⁸ Mackenzie's Gazette. 1839. 8 June.

без посторонней помощи, иначе создаваемая нация не была в полном смысле их нацией. Привнесение специфических американских символов в политическую борьбу патриотов и реформаторов лишило их даже той поддержки, которая имелаась до восстаний 1837–1838 гг. и способствовало укреплению позиции их противников.

Литература / References

1. Barth F. Introduction // *Ethnic groups and boundaries: the social organization of cultural difference* / edited by F. Barth. Oslo: Universitetsforlaget AS, 1969. 153 p.
2. Bodet M., Félix M. Interpreting National Trajectories with Gellner, Anderson and Smith: The Case of Quebec // *Revista D'estudis Autònoms i Federals*. 2019. № 29. P. 17–50.
3. Bonthius A. The Patriot War of 1837–1838: locofocoism with a gun? // *Labour / Le Travail*. 2003. № 52. P. 9–43.
4. Carol W. Popular politics and political culture in Upper Canada, 1800–1850. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2000. 320 p.
5. Clark S. D. Movements of political protest in Canada, 1640–1840. Toronto: University of Toronto Press, 1959. 518 p.
6. Dagenais M. '[T]hose who had money were opposed to us, and those who were our friends were not the money class': Philadelphia and the 1837–1838 Canadian rebellions // *American Review of Canadian Studies*. 2017. Vol. 47. № 1. P. 1–18. DOI: 10.1080/02722011.2017.1301969
7. Ducharme M. Le concept de liberté au Canada à l'époque des Révolutions atlantiques, 1776–1838. Montréal: McGill-Queen's University Press, 2010. 350 p.
8. Filić G. P. Critique of instrumentalist and primordialist theories // *Političke Perspektive*. 2022. Vol. 11. № 2. P. 93–117. DOI: 10.20901/pp.11.2.04
9. Gates L. F. After the rebellion: the later years of William Lyon Mackenzie. Toronto: Dundurn Press, 1996. 413 p.
10. Gellner E. Do nations have navels? // *Nations and Nationalism*. 2008. № 2 (3). P. 366–370.
11. Graves D. E. Guns across the river: the battle of the windmill, 1838. Prescott: Friends of Windmill Point, 2001. 263 p.
12. Greenfeld L. In defense of sociological mentalism: a reply to my critics // *European Journal of Cultural and Political Sociology*. 2015. № 2 (1). P. 62–73. DOI: 10.1080/23254823.2015.1094960
13. Greenfeld L. Introduction // *Research handbook on nationalism* / ed. by L. Greenfeld and Z. Wu. Northampton, MA: Edward Elgar Publishing Ltd., 2020. P. 1–19.
14. Greenfeld L. The world nationalism made // *American Affairs*. 2018. Vol. 2. № 4. P. 145–159.
15. Greenwood F. M., Wright B. Introduction: rebellion, invasion, and the crisis of the colonial state in the Canadas, 1837–9 // *Rebellion and invasion in the Canadas, 1837–1839* / ed. by F. M. Greenwood, B. Wright. Toronto: University of Toronto Press, 2002. P. 3–36. (Canadian State Trials. Vol. II).
16. Greer A. 1837–38: Rebellion reconsidered // *The Canadian Historical Review*. 1995. Vol. 76. № 1. P. 1–18.
17. Greer A. La république des homes, les Patriotes de 1837 face aux femmes // *Revue d'histoire de l'Amérique française*. 1991. Vol. 44. № 4. P. 507–528.

18. Greer A. *The patriots and the people: the rebellion of 1837 in rural Lower Canada*. Toronto, Buffalo; London: University of Toronto Press, 1993. 385 p.
19. Heaman E.A. *Rights talk and the liberal order framework // Liberalism and hegemony: debating the Canadian Liberal Revolution / ed. by J.-F. Constant, M. Ducharme*. Toronto: University of Toronto Press, 2009. P. 147–175.
20. Hutchinson J. *Introduction: Round Table Symposium on Anthony D. Smith // Nations and Nationalism*. 2018. Vol. 24. № 2. P. 281–285. DOI: 10.1111/nana.12408
21. Jones B. T. *Republicanism and responsible government: the shaping of democracy in Australia and Canada*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2014. 312 p.
22. Kerr W. *The descent of nations: social evolutionary theory, modernism and ethno-symbolism // Nations and Nationalism*. 2019. Vol. 25. № 1. P. 104–123. DOI: 10.1111/nana.12426
23. Kilbourn W. *The firebrand: William Lyon Mackenzie and the rebellion in Upper Canada*. Toronto: Dundurn, 2008. 288 p.
24. Kinchen O. A. *The rise and fall of the Patriot Hunters: liberation of Canadian provinces from British thralldom*. New York: Literary Licensing, LLC, 1956. 154 p.
25. Mauduit J. *American republicanism at a crossroads: Canadian “twin stars”, annexation, and continental order (1837–42) // Early American Studies: An Interdisciplinary Journal*. 2020. Vol. 18. № 3. P. 365–397. DOI: 10.1353/eam.2020.0010
26. Mauduit J. *La Guerre d'indépendance des Canadas: Démocratie, républicanismes et libéralismes en Amérique du Nord*. Montréal: McGill-Queen's University Press, 2022. 356 p.
27. Modern J. L. *Secularism in antebellum America*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2011. 352 p.
28. Morgan C. *‘When bad men conspire, good men must unite!’: gender and political discourses in Upper Canada, 1820s – 1830s // Gendered pasts: historical essays in femininity and masculinity in Canada / ed. by K. McPherson, C. Morgan, N. M. Forestell*. Toronto: University of Toronto Press, 1999. P. 12–28.
29. Randall M. *Les femmes dans l'espace rebelle: Histoire et fiction autour des rébellions de 1837 et 1838*. Montreal: NOTA BENE, 2013. 435 p.
30. Read C. *Edward Alexander Theller the ‘Supreme Vagabond’: ‘honest, courageous, and true?’ // Ontario History*. 1992. № 84. P. 9–43.
31. *Revolutions across borders: Jacksonian America and the Canadian rebellion / ed. by M. Dagenais and J. Mauduit*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2019. 320 p.
32. Schrauwers A. *Tilting at windmills: the utopian socialist roots of the Patriot War, 1838–1839 // Labour / Le Travail*. 2017. Vol. 79. P. 53–80. DOI: 10.1353/llt.2017.0002
33. Senior E. K. *Redcoats and Patriots: the rebellions in Lower Canada, 1837–38*. Stittsville; Ottawa: Canada's Wings Inc., 1985. 218 p.
34. Sewell J. *Mackenzie: a political biography of William Lyon Mackenzie*. Toronto: J. Lorimer & Co., 2002. 249 p.
35. Smith A. *Opening statement Nations and their pasts // Nations and Nationalism*. 2008. № 2 (3). P. 358–365. DOI:10.1111/j.1469-8219.1996.tb00002.x
36. *The rebellion of 1837 in Upper Canada: a collection of documents / ed. by C. Read, R. J. Stagg*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1985. 471 p.
37. Verney J. *O'Callaghan: the making and unmaking of a rebel*. Ottawa, Carleton University Press, 1994. 350 p.